

КАК СЛЫШНО

АРТЕМ РОГАНОВ

СЕРИЯ
НЕДЕТСКИЕ
КНИЖКИ

18+

Артем Роганов

Как слышно

Серия «Недетские книжки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69345853

*Как слышно: Издательский дом «Самокат»; Москва; 2023
ISBN 978-5-00167-519-8*

Аннотация

Глебу шестнадцать, он отличник и спортсмен из благополучной семьи, и его беспокоят разве что звуки. Иногда слишком громкие, буквально болезненные. Врачи не предлагают никаких ясных решений и не могут найти явных причин. Как справиться с шумом внутри? А с шумом вокруг, из-за которого чувствуешь тотальное одиночество?

Дебютный роман Артема Роганова обыгрывает стереотипы, характерные для литературы о подростках. Взросление, первая любовь и отношения в семье здесь драматично резонируют с жизнью современного общества.

5 причин купить книгу «Как слышно»:

«Как слышно» Артема Роганова – актуальный роман взросления в декорациях России начала 2020-х;

Многослойная история, где затронуты темы современных романтических отношений, веры, финансовой независимости и социальной напряжённости;

В книге оригинальный авторский слог, где литературно-художественный стиль встречается с разговорной речью;

Здесь много неочевидных отсылок к мировой культуре, в том числе современной. Например, некоторые главы написаны в духе разных жанров альтернативной музыки;

Высоко оценила роман и написала предисловие к нему писательница Нина Дашевская.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КНИГИ ОТ АВТОРА:

Может показаться, что история создания романа «Как слышно» рассказана в самом романе «Как слышно», но на самом деле многое, конечно, осталось за кадром. Правда, что и задумка, и сам сюжет не раз менялись в процессе. Так случается, когда пишешь о том, что происходит здесь и сейчас, но это была и сознательная стратегия – расслабиться, импровизировать. Неспроста в книге играет именно джаз. Где-то в конце 2020 года я носился с идеей комедийной повести про незадачливого студента, у которого бабушка и дедушка смертельно поссорились из-за политических взглядов и развелись в семьдесят лет. В итоге бабушка и дедушка стали родителями, незадачливый студент – довольно умным старшеклассником, а комедия – трагедией. Я начинал писать «Как слышно» в Москве, продолжал в Петербурге, а закончил первый черновик в родном Нижнем Новгороде. Но путь на этом не закончился – и героев, и самой книги, и мой собственный.

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	9
Эффект отсутствия	9
Время для самурая	12
Отцы и братья	19
Симптомы неопределенной этиологии	26
Третье колесо	33
Куклы	41
Запертая молния	46
Пространство идей	51
Гранж	59
Положительные вопросы	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Артем Роганов

Как слышно

© Ляля Буланова, иллюстрация на обложке, 2023

© Артем Роганов, текст, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательский дом
«Самокат», 2023

Вместо предисловия

Молодой автор пишет роман, разговаривает со своим героем. Где-то я уже это слышала¹. Звук как метафора. Тоже. Хорошо, что я твердо знаю одно: Артем не читал моего «Творогова», пока писал. Это совсем другая книга. Однако некоторые точки, где Глеб и Иван сходятся, пугают. Видимо, это не мы с Артемом оказались похожи и вошли в резонанс. Это время такое.

Глеб старше. Сначала не сильно, а потом сильно, резко. И автор не так расположен к своему герою, как я. Взгляд автора холоден, как пустая бутылка из-под кефира, как кафельная плитка, как стылый трамвай. Сначала вроде бы ничего, даже тепло. Потом замерзаешь. Потому что вообще-то у нас холодная страна.

Глеб несовершеннолетний, это важно с самого начала, при этом книга отчетливо взрослая. На книгах ставят маркировку, на жизни ее никто не ставит.

Глеб не знал, где он окажется совершеннолетним. Автор не знал. Читатель знает.

Глеб просто медленно идет вперед, кажется, он знает куда, но будущее выскользает из рук, просыпается сквозь пальцы. Все оборачивается иным, каждый раз – не тем. Не то, не туда,

¹ Здесь и далее Нина Дашевская имеет в виду свою повесть «Поиск звука. Творогов», которая вышла в издательстве «Самокат» в 2021 году.

не здесь. Почва уходит из-под ног, несмотря на очень точную географию.

Казалось бы, это классический роман взросления. Глеб – 2004 года рождения. Точно. Не раньше, не позже. Именно это поколение угодило в вязкий клейстер: ты вроде бы делаешь все правильно, но ноги увязают все сильнее.

И вроде бы все хорошо. Исходные данные – выше среднего: у мальчика хорошая голова, хорошая школа, мама – сильная женщина со связями. Папа – тоже сильный, интересный человек. Да, между ними разрыв, росошь. Но они же цивилизованные люди. Или нет? Что это такое вообще – цивилизованный человек? Друзья. По крайней мере, из троих – двое хороших. Немало.

И потом, Аня.

Все хорошо. Все хорошо.

Лучше некуда.

Так хорошо, что Глеба выворачивает зеленым в унитаз. Нет, не от тонких переживаний, от вполне себе толстых обстоятельств.

...я читаю роман через год после его окончания. Я не знаю, где Глеб. Хочется ли мне, по авторской привычке, убереечь его и отправить в теплые страны? Или все с той же холодной ясностью продолжать следить за ним – не подсказывать, самим бы кто подсказал.

Единственное место, которое ощущается точкой спокойствия, – это трамвай в тумане, заблудившийся в рукаве вре-

мени. Там – не здесь. Там спокойно. Но оттуда очень быстро выныриваешь: туман недолговечен; снова наступают очень внятные, резкие до боли в глазах дни.

До боли в ушах; но это уже спойлер, не будем.

Глеб? Где ты?

Нина Дашевская

Они чокнулись пивом и расцеловались. Немного погодя и уже собираясь уходить, Александров спросил, можно ли ему будет написать впереди сюиты маленький эпиграф. Не сочтут ли это за ломание?

А. И. Куприн. Юнкера

Часть первая

Эффект отсутствия

Бабушка моя, по профессии учительница рисования, говорила: «Толку ноль от красивых жестов, если тебя в кино не снимают. С умом поступай, наблюдай и решай, как выгодней». Но я потом, хоть и не были мы близки, все равно поехал в другой город на ее похороны. Отменил из-за них важное собеседование, разлаялся с невестой до соплей и глухой разлуки. Жалею? Бывает, что и жалею, а до сих пор люблю иногда совершить бесполезный маневр. Это освежает, прям как зубная паста подставить-нужную-марку.

Так и здесь. Я сунулся поглазеть, хотя торопился жутко. Конечно, от магазина часов ждешь пыльных полок и продавца с мудрым прищуром. Либо наоборот: лоск, блеск, за стеклами шестизначные ценники. Встречает девушка в деловом костюме, темные волосы убраны в хвост, тонкий и длинный, как минутная стрелка. Меня встретили ядовито-зеленые обои. Прилавки вроде чистые, а товары навалены вразнобой. Будильники стоят рядом с настенными домиками. Из домиков торчат кукушки, похожие на мокрых куриц. Наручные браслеты лежат около песочных колб. На колбы-то я и залип. Есть в песочных часах какой-то безусловный приго-

вор, которого не найти в обычных. Наверное, потому что циферблат – круговое движение, а песок стекает строго сверху вниз и, закончившись, продолжает свой ход, если только перевернуть сосуд. Я перевернул один, просто так.

Именно тогда этот парень сказал:

– Я приеду на ваше Рождество точно. Прилечу, потом на поезде. Но если ты сможешь умереть, будет вообще прекрасно. Покажу, как воняют пластинки, и познакомлю с Еленой.

Парень стоял слева от меня, напротив бардачной кучи будильников, совсем близко. Он болтал с кем-то через беспроводные наушники, и я слышал, как из них ему отвечал женский голос. Разборчиво доносилось лишь имя: «Глеб! Глеб!»

Раньше на моем районе была одна шаурмечная. Сизая квадратная будка через дорогу от школы. Неподалеку постоянно ошивался тип без возраста на лице. В драном пуховике на рыжую майку, он бродил кругами и тоже словно разговаривал с кем-то через беспроводные наушники. «Эй, погоди! Оставь лучше, слышишь? Завтра проверю бригаду, ага!» – звучали его реплики на всю улицу. На самом деле у него не было беспроводных наушников. Как и телефона. Когда мы с пацанами ели шаурму, тип к нам подваливал и просил десять рублей со словами: «Вы меня только не бейте». Мы давали ему по полтиннику каждый. Не потому, что добрые. Бродяга считал, будто мы способны его избить, и нам это льстило.

Парень по имени Глеб был без возраста на лице, когда говорил кому-то про пластинки, смерть и знакомство с Еленой.

Кажется, такое со всеми случается: секунда, может быть, две – черты точно каменеют, и вот ты одновременно и старик, и ребенок, и кто-то еще, без вчера и завтра. Похожее лицо было у моей бабушки-учительницы. В церкви, когда ее отпевали.

Я заметил Глеба еще около входа в магазин часов и даже позавидовал. Во-первых, синеглазый брюнет – редкое сочетание. Во-вторых, спортивный малый, спина ровная, сухопарость легкоатлета, на вид лет шестнадцать-восемнадцать. В шестнадцать я, помню, жутко горбился и носил очки. Сейчас зрение, пожалуй, единственное, что в моей внешности со школы изменилось к лучшему, спасибо офтальмологам. Благодаря им разглядеть Глеба удалось прекрасно. А вот заговорить с ним я не успел. Он ушел из магазина, продолжая о чем-то трепаться по телефону. И я просто стоял минут пять перед пустеющей песочной колбой, пока не подоспел заспанный мужик в худи – видимо, консультант. Он спросил, нужно ли чем-то помочь.

– Спасибо, уже не надо, – ответил я, а потом навсегда ушел из магазина часов.

Время для самурая

Полдня Глеб носился по центру города, искал подарок значительный и недорогой. Скопленные деньги нужно было беречь – снова брать у отца не хотелось. Как назло, попадались либо верные обещания пустых карманов, либо невнятный отстой. Захудалый на вид магазинчик часов грозил оставить без налика, и пришлось уйти ни с чем. После духоты ноги приятно твердели на морозе. Не чесались, не зудели. Оно и ясно, что в помещении чешутся: джинсы зауженные, под ними термобелье, да еще волосы на ногах разрослись.

В этот раз Глебу казалось, что его ждет по-настоящему важная смена года. В спешке он срезал через дворы на большую освещенную улицу. Он любил зиму, хоть она и напрягала ранней темнотой. Ожидание темноты иногда закрадывалось и самым солнечным утром, уже за чисткой зубов. Казалось, скорые сумерки гнездятся где-то среди пустых шампуней, скученных в углу ванной на полке-решетке.

– Эй!

Глеб обернулся. В мармеладную лавку зазывала ростовая кукла червя.

– Заморишь меня? Заморишь меня, молодой человек? – спрашивала она мужским голосом, волоча по снежному тротуару кислотно-фиолетовый хвост. Из куклы торчали длинные ноги в серых валенках.

– Я конкретно против, чтобы кто-то кого-то морил, – про-
бормотал Глеб, но листовку взял. Акция: скидка пятьдесят
процентов на лакричные палочки.

«Замори. Кто им лепит такие лозунги? Или сами? А еще
меня не взяли тогда...» – негодовал он, вспоминая гоповато-
го менеджера, который доставал его летом на собеседовании.

Ветер на улице был сильный, и снег забирался под капю-
шон, накинутый на меховую шапку. Еще Глеба морозило от
звуков. Зазывания на распродажи, хруст снега под ногами,
крикливые разговоры. «Эй, а ты знаешь, Игорек в Тай на
праздники рванет, сказал». – «В наше-то время? Буржуй!» –
«Один?» – «Один». – «Понятно, что ему вздумалось. Извра-
щенец. Юля же бросила». – «А зря. Поехали бы вместе». –
«А что ей с ним? Висеть на массажах для пенсов?»

Листовку Глеб выкинул в мусорку на углу. Из бачка воня-
ли кислым пустые упаковки пивных закусок. Названия как
у кишечных паразитов: желтый полосатик, свиной солонец,
кольца кальмара.

Кольца. Их она не носила, да и выглядело бы чересчур па-
фосно. Варианты были разные: украшение на шею, гель для
волос. Последнее – слишком практично, первое – перебор с
романтикой. Глеб решил, что часы прокатят идеально.

– Постой, джигит, нож хочешь? Хороший, раскладной!
Вино даме открыть, брата-дурака напугать. А?! – сипло кри-
чал мужичок в шапке-ушанке, хилый, совсем непохожий на
того, кто продает ножи джигитам. Уже этим он вызывал

недоверие. А еще тем, что торговал в уличной палатке сувениров: хохлома, футболки с медведями, магнитики с собором Василия Блаженного и прочие вещички, которые втридорога впаривают туристам.

Нож был точно не нужен. Глеб собрался лететь без багажа, и, даже если нож окажется беспонтовой точилкой для карандашей, на таможне могут как минимум задержать. Но к мужичку Глеб все же подошел. Отчасти чтобы скрыться от усиливающейся метели.

– А если я не джигит? Если я самурай? – попробовал Глеб ввести продавца в ступор.

– А если самурай, – не растерялся тот, – тебе вот чего есть!

Продавец достал две короткие серые палки, соединенные цепью. «Нунчаки» – не сразу понял Глеб. Палки, судя по всему, были обтесаны рубанком в сарае где-нибудь в Балашихе. Самодел.

– Нунчаки больше для ниндзя. А ниндзя – враги самураев.

– Ты, братец, не брезгуй пользоваться оружием врага, – кашлянул паром продавец. – Только в сказках паршивых герои всегда по-геройски поступают. А по натуре – нет. Герои поступают так, что потом про них пишут сказки. И все.

Глеб пожал плечами. Задумался.

– Мне часы нужны.

– Зачем самураю часы? – просипел продавец. Никто больше не подходил, и его тоже, видимо, тянуло болтать. – Самураю не следует торопиться, даже если начался дождь.

– Ну... – Глеб снял капюшон, сочиняя ответ поостроумнее. – По Хогакурэ, не нужно торопиться, чтобы не выглядеть глупо. А глупо выглядит и тот, кто торопится, и тот, кто опаздывает. То есть мониторить время для самурая очень важно.

Продавец вынул из-под прилавка картонную коробочку, постарался по-доброму улыбнуться, но на подрагивающем от холода лице улыбка вышла кривой и нелепой:

– Что ж. Тогда к вашим услугам есть они. Антиквариат-с! Стоят четыре куса, но знатоку бусидо отдам за три.

– Можно? – Глеб наклонился и открыл незамысловатый футляр. Деревянный корпус, похоже, был обтесан там же, где и нунчаки. Зато циферблат блеснул, металлический, укрытый прочным стеклом. Две стрелки, двенадцать черных римских цифр. И цепочка железная тоже. И мизерный ключик. – Неплохо. Только у меня с собой две тысячи.

Продавец тут же стал серьезным: упер красные ладони в бока, отчего его дубленка пошла пузырями.

– За две с половиной могу, иначе убыток, айм сорри. И шапками махнемся. А то я в своей ушанке не греюсь по натуре, а твоя что надо.

– Ладно, – кивнул Глеб. – Тогда покажите конкретно, как они заводятся.

Заводились часы без проблем. Никакой, конечно, не «антиквариат». Однако ручная работа, по крайней мере, чинили явно не раз. Должно понравиться.

– Угу. Спасибо. – Глеб отсчитал пять пятисотрублевых и, вздохмаченный, положил рядом свою шапку.

Уходя, Глеб забыл, что продавец обещал взамен ушанку. Ушанка была бы велика, но хотя бы согрела по пути домой. А капюшон от метели не защищал, и Глеб на бегу закрывал лицо руками в перчатках. «Заболеть не хватало», – злился он. Было понятно, что покупка не самая надежная.

После холода чуть не вырубил в душном вагоне. Тепло, мерное покачиванье и запах горячего железа мигом напомнили: ты устал. Как собака. И по-собачьи хочешь высунуть язык, чтобы поймать капли освежающего дождя, которого нет. К счастью, от «Савеловской» топать недалеко. Минут пять всего, если через дворы. А там уже набираешь код, затем три кратких ноющих писка и «Добро пожаловать» – выпускает электропривратник. Мама не дома и не прицепится, почему поздно.

Глеб жил в обычной панельке, что многих удивляло. Далеко не последний человек в администрации города, мама могла бы намотать квартиру чуть ли не на Патриарших. С отцом она давно развелась, а так он – бывший военный, теперь владелец прибыльной качалки – мог бы подсобить им на совсем роскошную хату. Но на самом деле трешка в брежневке устраивала и маму, и Глеба. Ремонт в стиле хай-тек, просторная гостиная и кухня, икеевская мебель вперемешку с дорогой итальянской. При этом особенно Глеб любил свой падик с облупленными ступеньками и пятнистыми, словно в

угрях, стенами. Любил по трем причинам. Во-первых, Глеб дважды целовался здесь при встрече, во-вторых, один, но самый важный раз целовался на прощание, а в-третьих, в детстве ловил возле лифта тараканов и мокриц. Придумывал для них ловушки, на которые вдохновила легенда о Троянском коне, рассказанная перед сном кем-то из родителей в далеком, почти беспамятном возрасте.

Возвращаясь домой с часами, Глеб вспоминал о мокрицах. Он улыбался, подходя к лифту, и уже почти нажал кнопку вызова, когда услышал сопение за спиной.

Глеб обернулся. Никого не было. «Показалось?» – подумал он, а вслух просто выругался, полушепотом, как привык наедине с собой.

Сверху загревели шаги, зашумело прерывистое дыхание.
– Эй! Что там у вас?

Вместо ответа погас свет. Сопение вернулось. Глеб ринулся назад, к подъездному электропривратнику, будто тот и правда был верным стражем, а не автоответчиком. Но кто-то толкнул кулаками в спину возле ступенек. Глеб ударился плечом о стену. Не очень больно, парка смягчила. Глеб попробовал ударить на сдачу – в сопящую темноту хуком слева – попал по воздуху. И почти сразу стукнули сзади по голове.

– Что происходит?! Вы с какого района? Меня тут знают, – выдал Глеб от растерянности банальную отговорку.

– Тихо. Тихонечко, – прошептал чей-то молодой голос.

Толкнули еще раз, упал. В ушах разлилась маринадом

боль. «Руки испачкал», – подумал Глеб, пока чьи-то чужие руки его обыскивали. «Драться? Вдруг у них нож? Если одежду начнут снимать, плевать, буду драться». Ничего не видно. Одни звуки – шуршание, кряхтение, перетаптывание. Сливаются в «шшш-шшшш» сплошное.

«Надо было, наверное, закричать».

Маринад в голове густел. Темнота тоже густела, наступала. Глеб различил перед глазами столб грубой ткани, похожей на наждачную бумагу. Валенки, показалось. Чья-то нога в валенке. «Замори меня, замори меня, червячка».

Отцы и братья

А началось это еще летом. Никто меня, ясное дело, не уговаривал. Просто позвонил бывший сокурсник Андрей и предложил:

– Давай ты напишешь книжку. Янг-эдалт там... или под-ростковое.

Андрей работал редактором в одном издательстве, и мы с ним по старой дружбе иногда виделись. Таких предложений я от него не ждал. Да и любых предложений, кроме как вместе сходить в бар.

Говорю:

– Я не пишу художку. И к тому же отвратительный педагог.

– Но ты пишешь про книги. Часто шутишь, как школьник. Думаю, у тебя получится.

– Может, по-твоему, и ресторанные критики – повара, каких поискать?

Подкол про школьника я тактично не комментирую.

– Чувак, я помню, ты когда-то сочинял прозу. – Обычно вкрадчивый, низкий голос Андрея звучит торопливо. – Почему бы снова не попробовать? Твоя профессия все равно довольно бесперспективна.

Я соглашаюсь. Вернуться к творчеству – хоть какая-то перемена. Перемены мне нужны.

Андрей говорит, что ждет роман через девять месяцев. Он, конечно, не учитывает, что у меня две работы. Я же вдобавок батрачу контент-менеджером на удаленке. В одной фирме, которая торгует сантехникой. Пишу им релизы, статьи на сайт, веду соцсети. Торговцы унитазами берегут меня от нищеты.

На календаре воскресенье – единственный день, когда можно ничего не делать. Куковать в своей однушке на Речном вокзале, гулять по району и планировать следующую неделю. Я мою линолеум, протираю с рабочего стола перхотоподобную пыль. Потом пытаюсь очистить духовку, всю в желтоватых наростах от запекания курицы, хотя заранее знаю, что без корейского жирорастворителя, на который тупо жалко денег, это не удастся. Наконец я включаю ноут, перевожу смартфон в авиарежим, беру ежедневник и пишу. Разумеется, не роман, а свой график – как его нужно поменять, чтобы успеть с книгой за девять месяцев. С начала пандемии работа везде удаленная. В конторе что-то требуют присылать каждый будний день. Литературные сайты просят по три заметки в неделю. Раз в месяц – рецензия для журнала. Получается, что заниматься романом я могу либо в ущерб сну, либо по выходным.

«Ладно, – думаю, – по крайней мере, есть выходные. Хоть что-то интересное подделаешь».

В следующую субботу стоит дикая жара и писать не хочется совсем. Тем более еще до предложения от Андрея я пла-

нировал съездить на родную окраину навестить родителей. Почему-то кажется, что это полезно для творчества. Дескать, пообщаешься с братом, которому как раз четырнадцать.

Брат занят школьным проектом, и батя сразу усаживает меня ужинать. На знакомой с детства кухне: поролон дремлет в оконных щелях, угловые шкафчики грозят набить шишку. Тесный уют. Уже сытый, батя накладывает мне картошки с котлетами, а себе наливает самодельный бурый квас. Весь обросший жесткой бородой, похожий на худощавого лесоруба, батя садится напротив с полной кружкой бурды и смотрит на меня так, будто мы должны обсудить, почему не успели за день спилить в чертовой тайге все деревья. Но спрашивает:

– Чихуахуа – прекрасная собачка, как думаешь?

– Это та лупоглазая и мелкая, которая все время дрожит и писается?

– Да, – невозмутимо кивает батя. – По-моему, очень крутая. Ты был бы рад такой собачке?

– Хочешь на днюху мне подарить? – настораживаюсь я.

– Не, ты бы с ней не справился. Я мать и Витю уговариваю завести.

– Понятно. Думаю, чихуахуа просто чудесные. Надо, само собой, заводить.

Мать, оказалось, уехала в Самару выступать с лекцией. Не предупредила. Она – топовый биолог, часто бывает в командировках, а вот батя работает в нотариальной конторе, так

что его график куда размеренней.

Пока батя расписывает повадки чихуахуа, брат выходит со мной поздороваться и тут же сваливает назад к себе. Он одет в серое худи. Мы с батей в тоненьких футболках, которые и то тянет снять. К вечеру за окном градусов двадцать восемь.

– У Виктора в комнате кондей? – спрашиваю я.

– Нет, мы же больше по вентиляторам, – отвечает батя.

– Он болеет?

– Витя? С чего ты взял?

– Он в толстовке. А сейчас так печет, что у меня есть мысль потратиться на кондей. Ну, или на вентилятор.

Батя хмурится. Я на секунду верю, что намек помочь мне с деньгами услышан. Но батя не мать, тонкие материи не чувствует. Он просто вздыхает и произносит вполголоса:

– Витя стесняется, якобы он толстый. Ты только не выдавай ему, что я тебе сказал.

– Толстый?

Брат действительно выглядит жирнее, чем я в его возрасте. Пухлые щеки на чуть смуглом лице – в маму, мясистые ляжи – непонятно в кого.

– Да, толстый, – почти шепчет батя. – И Витя злится, если касаешься этой темы.

– Ему надо объяснить, что все в порядке. Поговорить с ним.

Батя фыркает:

– Думаешь, если убеждать: «Не стесняйся, ты не тол-

стый», то он перестанет стесняться? Не смейся.

– Нет, я имею в виду, объяснить, что стесняться – нормально.

– Что значит объяснить? Конечно, мы с ним обсуждали. Но это без толку. Ты меня вот слушал в четырнадцать? Нет. Я тоже отца не слушал. Я, кстати, тоже стеснялся, но стеснялся, что я тощий.

– То есть, по-твоему, советов папа давать не должен?

– Должен, но в конкретных вещах. Как, например, бить грушу, чтобы не сломать пальчики. Или готовить омлет. Или – чем питаться, если хочешь сбросить вес. А глобально советовать на хрен надо. Только грузить.

Я чувствую, что батя не совсем прав, но контраргументы в голову не лезут.

После ужина заглядываю к брату. Тот валяется с айпадом на кровати. В комнате несет чем-то химозно-перченым – видимо, опять заникал чипсы в бельеовом шкафу. Родители разрешают их ему только по воскресеньям.

– Привет еще раз, – начинаю я настолько беззаботно, насколько могу, но получается все равно наигранно. – Как жизнь?

– Нормально, – отвечает брат, не отрываясь от айпада.

На стенах висят глянцевые аниме-постеры, календарь с хоккеистами. Крошки под столом – точно чипсы. Мои старые плакаты с рокерами давно пылятся на балконе. Я не стал их забирать, когда съезжал десять лет назад в общагу.

– Часто вижу его в мемах, но не знаю, кто он, – тычу я в кудрявого блондина на одном из постеров.

– Это Джоджо. – Брат откладывает планшет. – Есть целая вселенная про его семью. Несколько поколений.

– У них там ведь у каждого своя суперспособность? Я просто не помню.

– Не-а. Там стенды. Такие боевые воплощения.

– А ты бы какую хотел себе суперспособность? Я вот в детстве мечтал читать мысли.

Брат потянулся.

– Наверное, я тоже, – выдает он, зевая.

Ясно, болтать не в настроении. Мы оба молчим. Я разглядываю книжки на полке. В основном неизвестную мне мангу.

– Слушай, а сколько тебе платят в месяц? – вдруг спрашивает брат.

– У меня... – опешил я на секунду, – несколько работ.

– А всего в месяц сколько? Или, например, за статью сколько?

В тот момент я меньше всего на свете хочу писать янг-эдалт. Тут лучше, рассуждаю я уже дома за вечерним чаем, реально сочинять про суперспособности. То есть про боевые воплощения. И почему нет книг в жанре, допустим, олд-эдалт? Есть романы взросления, но нет романов старения – о людях, которые переживают надвигающуюся немощь. Смириться со своей конечностью по серьезке, когда чувствуешь, как с каждым днем постепенно превращаешься в развали-

ну, – вот что сложно. А взросление? Если хватило ума не спиться и не сторчаться, если нашел работу по душе и приятных друзей, прикидываю я, злясь, по сути, на себя за творческое уныние, ты, считай, выполнил миссию.

Симптомы неопределенной этиологии

У Глеба приятные друзья были. Родители его особо ни в чем не ограничивали. Глеб нравился девушкам, хоть и сомневался в этом. А еще он не курил, не вейпил и за редкими исключениями не бухал. Летом гребля, зимой лыжи, по утрам частенько пробежки. Когда-то Глеб мечтал стать военным, как отец, но отец же его и убедил, что лучше пойти в дипломаты. Поступить в МГИМО ему хотелось, Глеб старался подготовиться, его хвалили и репетиторы по языкам, и преподаватели на подготовительных курсах. Отмечали, что он, конечно, не гений, зато трудолюбия побольше, чем у иных гениев: всегда выполняет все четко к срокам. Короче, правильный тип, аж противно. И вовсе не стоил бы он внимания, если бы в начале четвертой четверти своего десятого класса не пришел к врачу. К третьему врачу за неделю. Подобно многим относительно здоровым людям, Глеб опасался, что у него рак.

Кушетка в кабинете оказалась жутко неудобной, твердой. Стены матово-белые, стерильные. Платная клиника. В углу за столом сидел дядька с физиономией как у мопса. Сидел и долго печатал что-то на компе, прежде чем заговорить.

— Анализы в порядке, Глеб Андреевич. Разве что шейный отдел позвоночника с мизерными изменениями, но это сей-

час сплошь и рядом. По заключению ЛОРа, сами видите, идеально.

Глеб рассматривал свои ботинки в бахилах, прячущих налипшую на подошвы уличную грязь. Накануне шел снег с дождем – эдакий прощальный плевок зимы, отчасти карантинной, домашней, нудной.

– Пока не вижу смысла прописывать серьезные лекарства, – продолжил доктор. – У вас же нет выраженных болей? Занимайтесь спортом, лучше на свежем воздухе. Лыжи, допустим, бег. Бросайте курить, если курите.

Секунду Глеб вспоминал отчество доктора.

– Михаил Александрович, я соблюдаю все, о чем вы говорите. Поливитамины вообще пью. Откуда чувствительность?

– Судя по всему, гиперакузия идиопатическая.

– В смысле? Я норм соображаю.

– Идиотизм тут ни при чем, – усмехнулся доктор. – Это симптомы неопределенной этиологии.

– То есть вы ничего не знаете? – не вытерпел Глеб.

– Я не могу назвать гарантированную причину. Вы сдайте на всякий случай генетический тест, который вам рекомендовал отоларинголог. Шанс маленький, но есть вероятность, что тест что-то прояснит. И скажите, у вас бывают перепады настроения?

– Нет. Просыпаюсь как надо. Засыпаю тоже. Школьный психолог допрашивал меня две недели назад и вынес вердикт, что я ок. Так что не надо валить все на мои беды с

башкой.

Доктор нахмурился, отчего стал еще сильнее похож на мопса.

– Глеб Андреевич, вы жаловались на звуки школьному психологу?

– Тогда я надеялся, что они сами пройдут.

– И что же, оставили надежду, всяк сюда входящий?

Глебу стало стыдно. Правда, не за себя, а за врачебное остроумие. Доктор мог бы и понять его раздражение, все-таки профи. «Частная клиника, называется». Глеб сдержанно поблагодарил врача, сказал, что сдаст генетический тест, и вышел в прохладный коридор. После Глеба следующей на прием была конопатая девочка в инвалидном кресле. Она управляла креслом сама, каталась взад-вперед по белому полу с таким же будничным спокойствием, с каким ездили по улицам курьеры на самокатах. Провожавшие девочку пожилые родственники – то ли родители, то ли бабушка с дедом – перекрестились, когда закрыли за ней дверь с табличкой «Кабинет невролога». Глеб подумал, что, вероятно, его жалобы кажутся глупыми капризами.

«И все-таки мои проблемы – тоже проблемы».

Двор клиники встретил светлой свежестью. Не осталось уже никакой слякоти, молчаливые люди в ярких комбинезонах незаметно навели чистоту. Поодаль эвакуировали чей-то неправильно припаркованный дряхлый «мерседес», и машина периодически орала сигнализацией. От сигнализации

мигом прожгло. Глеб поморщился. Ему казалось, что в затылке, между ушами, завязывается узлом колючая проволока. Тут не было четкой системы, не было толком боли, а было, как описывал сам себе Глеб, краткое слуховое удушье. Чаще напрягали резкие звуки в тишине, но и они могли поразному слышаться в разных ситуациях. Разве что утренние часы почти всегда проходили спокойно. Днем же начиналось по мелочи, и порой Глебу хотелось лечь на землю и закрыть-ся руками, как при угрозе взрыва учили делать на ОБЖ.

Мама успела прислать три сообщения и две эсэмэски. «Ну и что там?», «Как ты?», «Ау! что доктор сказал».

Глеб 12:22

ничего. Все анализы в норме. Мрт тоже. Осталось на генетику. но там вероятность говорить маленькая

чего-то найти. Так что думаю я псих

Мама 12:23

Да ладно паясничать. что прописали? диагноз?

Глеб 12:24

поставили какую-то гиперакуюзию. Прописали аминокислоты и витамины

Мама 12:24

Мда. слушай, судя по ерундовым лекарствам, все с тобой в порядке похоже

Глеб 12:24

нет. Сейчас рядом сигналит машина, и мне хочется провалиться под асфальт. К бомжам, в канализацию.

И там с ними собирать бутылки Прибыльный бизнес, как считаешь?

Мама 12:25

Глеб, ну перестань. может, записать тебя к моему психологу?

Глеб 12:26

ага. Я же говорю, я псих.

Они переписывались, когда Глеб ехал в электробусе, полупустом и деликатном, в отличие от грохочущего метро. За окном – церкви и высотки, в ушах – подаренные отцом наушники. Две холодные белые капли без проводов. Музыка на удивление не раздражала слух. Наоборот. Последнее время Глеб чаще, чем любимых рэперов, слушал инструменталы, и они гипнотизировали, отвлекали. Группы с трудными названиями, трубачи и саксофонисты с хрустящими именами и фамилиями. Скотт, Бренсон, Майлз, Чарли, Теренс. Монотонные басы и барабаны – как топот нескольких пар сапог по лесной дороге. Медленный смерч духовых, будто дребезжание тетивы и лязганье топоров. Люди длинной воли идут искать добычу.

Мама не стала дальше допытываться. Просто спросила,

едет ли Глеб домой. Он ответил, что хочет сначала словиться с друзьями. Мама спросила, с какими. Глеб ответил, что она их знает: это его лучшие друзья из летней гребной команды, Володя и Надя.

Вступили клавишные. Дождь заливает пыль, стучит по земле. Бас продолжает ухать сычами. Небольшая крепость близко. Там у надменных землевладельцев вкусная еда, а их отряду нужно запастись на зиму.

Мама написала Глебу, что не так давно лучшими друзьями были Мишаня и Саша. «Ты что-то путаешь», – ответил Глеб.

Соло барабанов. Внезапный налет, обстрел из луков. Деревянный замок обнесен хилым частоколом. Наконечники стрел горят. Гулкие бочки – кто-то швыряет камни из пращи. Острыми камнями прилетает и в ответ попадает в кого-то рядом. Но Глеб жив, вот он уже идет по горящему опустевшему городу, заткнув секиру за пояс. Впереди желанный амбар. Недруги убежали, никого в деревянной крепости нет. Только огонь жжет дерево.

«Во сколько тебя ждать?» – спросила мама. Уточнила: «Я заканчиваю работать сегодня в шесть а потом у меня массаж а потом домой. На ужин креветки. Будешь?» Глеб написал ей, что собирается домой примерно в то же время, что и она. И что креветки будет. Мама спросила, когда он сделает уроки. Глеб ответил, что уроков немного, они непрофильные, он вывезет после ужина. Мама прислала: «Понятно. Значит

до встречи».

Соло барабанов кончилось. Остались только клавишные и саксофон. Вечер. Отряд Глеба готовит пир и собирает раненых. Стоны, тихий кашель, немые стоны. Серое облако повисло над лежбищем людей у развалин, но как слышно это странное облако, Глеб вообразить не успел. Подъезжали к нужной остановке, и он заранее встал у дверей. Старушка с ярко покрашенными губами спросила, выходит ли он. Глеб выключил наушники, чтобы ответить: «Да, выхожу». И писк открывания дверей соединил в голове две части колючей проволоки. Уши снова свело изнутри.

Третье колесо

Надя и Володя были двумя гномами-богатырями по сравнению с поджарым Глебом. Они походили друг на друга широкими плечами и веснушчатými круглыми лицами. Когда они целовались, Глеб усматривал в этом что-то инцестуозное. Хотя, по сути, его просто бесило, что при нем целуются. «Не можете подождать, пока я сольюсь? – бывало, злился про себя Глеб. – Я и так понимаю, что вы пара». Встречались Надя и Володя уже год. Не то что Глеб с Викторией тогда, когда познакомились все четверо на сплаве по Клязьме: две недели робких прогулок – и прощай.

– Прощай, прощай! Но помни обо мне, – пропел Володя, поправляя челку. Ее сбивал на глаза ветер, свободно гулявший по скверу Цветного бульвара, где они удачно оккупировали сухую скамейку.

– Ты к чему «прощай»? – спросил Глеб. – У меня вообще еще минут двадцать.

– Из «Гамлета» отрывок. Мы сейчас репетируем в театралке.

Надя поддакнула. Она в учебном театре не играла, но была почти на всех открытых репетициях, где восхищалась Володиным талантом. Глеб тайне подозревал, что восхищение – главное, что Володе нужно от Нади. А главное, что нужно отличнице Наде, – восхищаться кем-то. Например, мажор-

ристым спортсменом с нетипичным для подобных ребят актерским увлечением. Володей то есть. Такие мысли у Глеба возникали не со зла, наоборот, скорее в порыве понять чувства своих друзей. И хотя друзьями они стали считаться относительно недавно, Глеб в тот момент действительно не чувствовал никого из ровесников себе ближе, чем Володя и Надя. И никому не рассказывал о своем странном недуге подробнее, чем им.

– Угу, знаю. А почему ты вспомнил именно эту строчку? Хоронишь меня уже? – то ли шутил, то ли всерьез огрызнулся Глеб.

– Ты сам себя хоронишь. Надо пробовать что-то делать, пусть и не знаешь ты причины. Пробовать всякое. А у тебя все беготня да языки. В дисциплине твоей загнуться как нех. – Володя жестом показал Наде на бумажный стаканчик с кофе, который держал в руке: будешь еще? Надя замотала головой.

– И что ты предлагаешь? Мне, может, в театралку тоже записаться? Гамлета играть напудренным?

– Сейчас тебе бы подошла роль Офелии, – съехидничал Володя.

И Надя, видимо, попыталась разрядить обстановку. Она почти прокричала, так что Глебу стало неловко:

– Я бы посмотрела, как вы сосетесь!

– Еще б не посмотрела... – парировал Володя ей, а Глебу сказал: – Гамлета сразу не дадут играть. Вот на начальные

актерские бы тебя взяли, но тебе ж впадлу будет.

– Нет, погоди. – Глеб успокоился. – Допустим, мне не впадлу. А польза какая? У меня со звуками проблемы. И главное, я не могу понять, откуда они.

– Я думаю, это нервы, – сказала Надя. – Эмоции. А что у нас учит управлять эмоциями? Как раз театр.

– О, да ты у нас мудрая! – Володя соорудил восхищенную гримасу и чмокнул Надю в губы. Надя ответила ему и губами, и языком.

Глеб заставил себя притвориться, что ничего особенного не происходит. Он смотрел в сторону, на пестрящую вывесками улицу, где росла вечерняя пробка, а когда его друзья закончили, спросил:

– Куда конкретно записаться? Я бы попробовал.

Володя вздохнул:

– Я не хочу тебя брать на слабо. Заставлять – не срабатывает. Кайфовать надо.

– Блин, мне кажется, ты циклишься на пользе, – кивнула Надя, – прям как мои родители. Их послушать, бесполезные занятия людям просто не нужны. Если развлекаться, то читать книжки или смотреть познавательный ютуб. По-моему, жутко так жить.

– Угу. Я просто думаю все время о пользе из-за... ну, из-за неизвестности.

– Короче, тебе скинуть ссылку на подготовительный? Или боишься? – спросил Володя, который только что уверял, что

не хочет брать на слабо.

Глеб рассмеялся:

– Давай! Может быть, схожу на бесплатное пробное.

– Вот, пробовать – правильно.

Они добрались втроем до дешевой кофейни напротив торгового центра, взяли еще по бумажному пол-литровому стаканчику и даже чокнулись за выздоровление Глеба. Надя вместо кофе купила пиво, у нее почему-то никогда не спрашивали паспорт. Глеб заказал модный кофе с апельсиновым соком – бамбл. Горячая жидкость расслабляла. Даже сигналящие на дороге водители не мешали. Потом Глеб уловил, что Надя и Володя хотят остаться вдвоем, – он всегда это чувствовал очень верно, по их долгим взглядам себе под ноги, – и заторопился домой, тем более что мама уже наверняка пришла.

Мама Глеба будто бы не очень любила Володю и Надю. Она не выказывала неприязни, но часто делала вид, что не помнит, кто они. Когда Глеб впервые объяснил ей, дескать, его лучшие друзья встречаются, она вроде как пошутила: «О, да ты третье колесо». Глеб не понял, о чем речь, но ему стало стремно, хотя мама сразу оговорила: «Не переживай, такая дружба сто процентов нормальна, бывает у каждого». Глеб загуглил: третье колесо – человек, который часто проводит время с парой. Что ж. Ни прибавить, ни убавить. Так и есть.

Глеба не напрягало общаться с Надей и Володей. Его напрягало, как их общение воспринимают другие. И он жалел

немного, что расстался с Викой, хотя она в любом случае не была бы колесом четвертым. Володю с Надей Вика не выносила. Взаимно. Она считалась в их сплаве залетной, туристкой, как однажды презрительно выразился Володя. Зато очень красивая: подтянутая, чуть смуглая. После расставания Глеб в беседах с пацанами принижал достоинства Вики, якобы у нее маленькая грудь. На самом деле маленькая грудь ему нравилась. Не нравилось Глебу то, что внешности не касалось. Вика все делила на «круто» и «некруто». Дорогая одежда, про которую делают мемы в интернете, – круто. Дизайнерская – круто, но чуть менее круто, потому что не на слуху. Стоковые вещи – некруто. С едой похожая история. Круто, когда белые скатерти в ресторане. Или хипстерский рынок с устрицами, как на Трубной. Сплав по Клязьме – не очень круто, потому что круто – где-нибудь не в России и лучше на каноэ, просто вирус чертов закрыл границы, ладно хоть тут можно по справке...

«Но круто, что есть симпатичные гребцы, как ты», – сказала Вика при знакомстве. Тогда, на берегу куцых сосен, где разбили палатки для ночевки, Глеба от ее комплимента накрыло румянцем. Позднее Глеб смекнул, что числился лишь одним из симпатичных гребцов, вероятно наиболее доступным. А если бы оказался единственным, Вике было бы, наверное, некруто. Разошлись они, когда Вика гостила у Глеба и на прощание заявила, презрительно осматривая подъезд: «Чего-то тут у тебя некруто». Глеб не вытерпел, послал Ви-

ку. Тем более что дома у него они просто целовались и смотрели сериал. Даже грудь, впоследствии мстительно обсуждаемую, Вика не оголяла.

Потом Глеб мутил с белобрысой лыжницей, которую позвал гулять вскоре после расставания с Викой. Лыжница угоновила его купить вина, и все смеялась, что им не продают. В итоге продали – в ларьке около полицейского участка. Разгоралось лето, недавно разрешили бродить по городу. Кончился вирусный карантин. С бутылкой красного полусухого они шарахались по Тимирязевскому лесопарку. Вино кончилось – начались поцелуи, начались как-то сами собой, будто автоматические, игрушечные. Глеб не успел встретиться с лыжницей второй раз, хотя она казалась ему прикольной. Но именно что прикольной – и все. В августе она уехала на Кавказ тренироваться ради большого горного спорта. У Глеба тоже стало туго со временем. Мама сказала: пора готовиться к ЕГЭ и к поступлению, тренировать языки, историю. Отец подтвердил: пора посвятить себя учебе. Когда оба родителя говорили одно и то же, Глеб склонен был думать, что они правы. Недаром учительница общаги, старушка с гнусавым голосом, часто повторяла: «Всегда старайтесь смотреть как минимум два, а лучше три источника».

Ее правилу последовал Глеб и теперь. Источник под кодовым названием «Володя и Надя» рекомендовал двигать в театралку, чтобы как минимум развеяться. Вечером, когда мама варила креветки, Глеб резал салат. Убирая огуречную

кожуру в мусорку под раковиной, он спросил:

– Как думаешь, если я запишусь на курсы актерского мастерства для начинающих, мне поможет?

Мама вытерла салфеткой помидорный сок, оставшийся на длинных и бледных пальцах. Она сложила салфетку ровным квадратом, прежде чем отправить ее в мусорку вслед за ошметками огурцов, и ответила, что идея знатная, но лучше пойти к психологу, тем более что времени на лишнее хобби пока нет. Минут пятнадцать обычной суеты перед ужином. Они сели за стол, и мама вдруг посмотрела на Глеба испуганными глазами.

– Уж не хочешь ли ты стать актером?

– Нет.

– Режиссером?

– Нет.

– Ура. Тогда зачем? Дело твое, но подумай, театр наверняка будет в ущерб учебе.

Так источник номер два под кодовым названием «мама» дал отрицательную рекомендацию.

На следующий день Глеб позвонил отцу и между делом задал тот же вопрос.

– К психологу? Глеб, зачем тебе к психологу? – удивился хриплый, кашляющий голос. Вероятно, отец был после бассейна: в собственном фитнес-центре он плавал чуть ли не каждое утро. – Конечно, лучше в актерский кружок свой иди, Глеб, чем к психологу. Это полезная штука, научат кон-

тролировать эмоции. А то нервничаешь, наверное, ЕГЭ через год, – вторил отец Наде.

Глеб из вежливости поинтересовался, как у отца дела на работе. Отец ответил, что все путем, пообещал встретиться в воскресенье, а на прощание спросил:

– Глеб, ты что, хочешь стать актером?

– Нет, – успокоил Глеб.

– Режиссером?

– Нет.

– Ну слава богу. Тогда попробуй в кружок театра, да, развлекись. Только смотри, чтобы не в ущерб учебе.

Родители развелись будто бы из-за политических вкусов, но временами Глеб в этом сомневался, например наблюдая, как, живущие порознь больше пяти лет, они произносят одинаковые фразы, несмотря на разницу во мнениях почти по любому поводу. Закрадывалось подозрение: уж не был ли он третьим колесом и для них?

Что было ясно без подозрений: источник под кодовым названием «отец» дал положительную рекомендацию. Итого: два-один в пользу курсов.

«Спасибо за метод, Тамара Васильевна. Приятной вам пенсии. И поскорее на нее уйти».

Куклы

Здание учебного театра напоминало большую трансформаторную будку. Серые кирпичи, строгая прямоугольность. Правда, внутри сделали красиво: длинные коридоры, стены под мрамор, высокие потолки. Портили интерьер уродские афиши: на «Вишневый сад» зазывало какое-то болото с волчьими ягодами, а «В ожидании Годо» анонсировала фотка Хатико. В учебном актовом зале, где все ждали препода, стояла духота и пахло, как в деревенском доме, откуда недавно съехали старики. Кроме Глеба на креслах в первом ряду сидели еще пять девиц и два долговязых парня. Все молчали и выглядели оттого настолько серьезными, что заговорить с кем-то Глеб не решился – отправился назад в коридор посмотреть соседние залы. Но двери оказались везде заперты, а когда он вернулся, занятие уже началось.

Возможно, поэтому у Глеба сразу не заладилось с Карабасом, как он окрестил препода. Никакой бороды тот, правда, не носил. Носил он сальную рокерскую косичку и металлическое кольцо в ухе, а вел себя настолько высокомерно, что Глеб сразу вспомнил хозяина цирка из «Буратино».

Первым делом Карабас раздал всем по ручке с бейджами и велел написать на бейджах имена.

– Так вы лучше друг друга запо-омните, – пояснил он, растягивая гласные. Пока выполняли, Карабас молчал, паялился

в окна с подчеркнутым безразличием. «Когда какая-нибудь восьмиклассница ведет себя отморозенно, бывает забавно. Когда взрослый мужик – отвратительно», – злился Глеб, стараясь уместить бейдж на узком подлокотнике кресла, чтобы было удобно писать.

– Теперь я прошу на сцену. Встаньте полумесяцем, да, вот так. Прошу каждого рассказать о себе. Все, что вы хотите, но не больше и не меньше двух минут. Тут секундомер. – Карабас вынул из сумки планшет и первый поднялся по ступенькам на деревянные подмости.

Упражнение на знакомство было несложным. Глеб всего-навсего перевел в уме монолог по английскому про хобби: люблю гулять с друзьями, слушать музыку и кататься на лыжах.

– Хорошо. О-очень даже неплохо. Только вы еще не познакомились по-настоящему, – заявил Карабас, когда кончились довольно однотипные монологи.

– Да ладно! – не выдержал Глеб.

– Предлагаю обратить внимание друг на друга, – продолжил Карабас, сам не обратив никакого внимания на Глебову реплику. – У кого какой цвет глаз? Давайте встанем в линию по цвету глаз, слева – светлейший, справа – темнейший.

Глеб встал сначала вторым, но тут же выяснилось, что у дредастой, крашенной под салатный листик девчонки глаза светлее, и Глеб отодвинулся на третье место в шеренге. Ка-

рабас потребовал поочередно хлопать в ладоши, то в одну, то в другую сторону, так, чтобы звук усиливался. Получалось нарастающее, зловещее хлопанье. Слух оно не резало, но казалось нелепым. И каждое последующее задание все сильнее напоминало Глебу детскую игру с элементами муштры. Он прикинул, что вряд ли заплатит за полный курс.

«Реально как куклы. Интересно, Володя знает Карабаса?» Глеб вдруг вообразил, что все люди вокруг него – муляжи, манекены. Или почти все. Может, кроме него. А может, и не кроме... От этой фантазии стало не по себе, и он зажмурился, вставая в слепой хоровод, как вынуждало тягучим голосом Карабаса новое актерское упражнение.

Под конец тренировались друг друга копировать. Карабас пафосно обозвал упражнение «зеркалом». Надо было разбиться по двое и сесть на пол, чтобы повторять жесты и мимику. Глеб затупил – отвлекся, так как эсэмэска оповестила, что готовы результаты генетических тестов. Тесты были в порядке, никаких проблем. «И что? И откуда у меня это?»

Незанятой осталась как раз та девчонка, у которой были глаза чуть светлее. Примерно ровесница, напудренная до бледноты, она то и дело мотала своими зеленоватыми дредами, которые смахивали на маленьких змеек.

«Вера» – значилось на ее бейдже.

Сели по-турецки. Глеб удивился, какой холодный на дощатой сцене пол. Первые минуты Глеб машинально повторял Верины гримасы, вспоминая, сколько именно времени

отвел Карабас на упражнение. Такое бывает: кто-то что-то сказал, а сразу забываешь. Тем более если думаешь о другом. Глеб думал о том, как поскорее свалить и как теперь ему лечиться. Забивалась в ноздри мелкая пыль, хотелось чихнуть. Он терпел, сосредоточившись на дыхании, пока не заметил, что дрожат пальцы – волнуется. Вот Вера чешет ухо, перекинув через голову руку в пластиковых перстнях. И ржет гиеной. И приходится тоже ржать, но гиеной Глеб не умеет, а Вера ржет уже не специально, чуть ли не делает перед ним шпагат, автоматически заставляя Глеба делать так же. Глебу совсем не смешно. Вера очень близко, по правилам надо смотреть ей в глаза, от нее несет апельсиновыми духами, немножко потом, но потом на удивление приятным. Глеб волнуется еще сильнее. Вера смотрит с беззаботной, морозной улыбкой. Глебу Вера не очень нравится, но Верино присутствие очень нравится его телу. Как ни странно, возможно, поэтому сама Вера и не нравится.

Когда в окна быстрым заколачиванием гвоздей застучал дождь, Карабас объявил, что «зеркало» кончилось. Весь красный, Глеб заковылял затекшими ногами в сторону Карабаса, наскоро извинился и пробормотал, что ему срочно нужно уйти. Карабас равнодушно кивнул и принялся объяснять остальным последнее задание, на рефлексию. Участвовать в нем Глебу не хотелось. Хотелось домой, а завтра поскорее в парк, на пробежку, чтобы никаких мыслей и рефлексий. Глеб даже не заметил, что за весь театральный час

хлопков, чиханий и вскриков уши ни разу не прожгло.

Запертая молния

В пустынном вестибюле сидели только два худощавых студента, но они так обсуждали футбольный матч, что их голоса отзывались эхом еще на лестнице.

– Ты видел, как распластался? Это красная карточка, Вальер, красная. За такую симуляцию.

– Слушай, ведь ему ногу задели...

Глеб прошел мимо них в гардероб – пыльный недолабиринт из квадратных решетчатых отделений-кабинок, каждая крючков на двадцать. В углу на входе кемарил вахтер с распухшим лицом. Он держал в руках пульт от выключенного телевизора, сжимая его обеими руками, как слиток золота.

– Да ладно, чутка задели. Это по-любому не повод корчиться.

Глеб надел ветровку и, вздохнув, собрался было на улицу, когда услышал странный жужжащий звук по соседству. Тихий, но резкий. Наподобие приглушенной бензопилы.

– Правильно все сделал арбитр. Канадец он, кстати.

– Вот и судил бы свой хоккей мудацкий, канадец.

Глеб обернулся на жужжание. Какая-то девчонка воевала с молнией бомбера. Она пыталась застегнуться двумя руками, возила замком туда-сюда, и черная ткань бомбера пузырилась, будто была неподатливым тестом. Глеба порадовало, что не он один не в настроении.

– Бомберы часто клинят, особенно если паленые брать, – заметил Глеб вслух.

– У меня фирменный, – выругалась девчонка и подняла голову. Никакая не девчонка – минимум девушка. Ростом почти с Глеба, каре обрамляет острое, немного вытянутое лицо. «А ты еще кто?» – читался вопрос на этом лице, почестному суровом и оттого приятном.

– Я Глеб, – ответил Глеб и тут же подумал, что немой вопрос ему, вероятно, почудился. – Тебе помочь?

– Давай. – Девушка бросила недоверчивый взгляд. – Но вряд ли ты справишься. Тут адилище.

Глеб осторожно подошел, чуть наклонился. Девушка выпрямилась, словно ей измеряли рост. У нее был на редкость высокий лоб, а посреди лба – коричневая родинка. Маленькая, но все равно – как у актрисы индийского кино. «Специально сделала? Или, может, вообще ворсинка какая-то...» Ткань бомбера неприятно шуршала. Глеб взял и потянул замок на себя, чтобы разошлись металлические зубчики-звенья. Иногда помогало. Не теперь. Он медленно провел замок до упора вниз, а затем вверх, попробовал заранее соединить молнию пальцами, но замок все равно застревал на середине. Одного зубчика не хватало.

– Да ладно, спасибо, пойду так. – Девушка с досадой махнула рукой. – На улице вроде тепло, главное, что не сломался капюшон.

– У тебя зубчик отлетел. Только в ремонт если сдавать,

там залепят, – посоветовал Глеб, будто бы компенсируя советом бестолковую помощь.

– Да ну еще, выкинуть пора куртку, ей три года. – Девушка зашагала к дверям.

– Ты после репетиции? – Глеб не спеша двинул в ту же сторону.

– После репетиции. Правда, я не играю, а костюмами занимаюсь. По шмоткам мой профиль, а здесь типа первой практики. Последний день, слава богам.

Они вышли на крыльцо. В отличие от пафосного вестибюля, крыльцо было простецкое, с узкими ступеньками. Дождь уже уgomонился, лишь стекали с козырька длинные мутные капли.

– На дизайнера учишься? – спросил Глеб.

– Заканчиваю первый курс.

– Я как раз планирую, может, поступать на дизайнера. Ты в каком универе?

Девушка назвала вуз, но не то чтобы совсем крутой.

– А, я и туда рассматривал вариант, – сказал Глеб. – Можно у тебя узнать будет про поступление?

– Я сейчас тороплюсь, ты добавься потом ко мне в вэка или в инсту. Если захочешь, расскажу про портфолио. Я – Аня Мостина. С одной «н».

– Было бы здорово. Но я толком не шарю, просто размышляю еще, – пожал плечами Глеб. – Тебе в какую сторону?

– К метро.

– Угу. А мне на автобус. Я тогда напишу на днях.

– Давай! – На суровом лице девушки впервые за разговор мелькнула улыбка.

Глеб заметил это, помахал рукой, тоже заулыбался, но Аня уже развернулась к шоссе, туда, где виднелась за деревьями буква «М».

Он быстро добрался до остановки у перекрестка, томного от светофоров, мигающих среди мороси желтым светом. Под навесом нашлась пустая и сухая скамейка, только на месте не сиделось. Глеб слонялся от светофора до светофора и разглядывал едва зазеленевший парк напротив, пока не подоспел нужный электробус.

«Костюмами занимается, а ходит в сломанном бомбере трехлетней давности», – съязвил про себя Глеб, когда сел в кресло. И тут же в голове пронеслось: «К черту, к черту, может, искать причины. Буду дальше витаминки жрать, как невролог сказал. Подожду, вдруг пройдет. Вдруг права Надя и дело в нервах».

Последнее время Глеб старался не думать о девушках. Или о женщинах, или о девчонках? Как лучше называть их в своей голове, чтобы звучало не по-дебильному, Глеб не знал. «Сконцентрируйся на учебе», – говорили отец и мама. И от мыслей, которые мешали концентрации сильнее всего, Глеб действительно пробовал держаться подальше. «Вот поступлю, там разгуляюсь. Тем более кому я нужен с ранимым слухом?» – убеждал он себя, когда держаться подальше не уда-

валось, то есть почти каждый день. Какая-то непримиримая часть его спорила: «До поступления целый год, не рано ли закрываться от мира? И так со старыми компаниями перестал гулять». На самом деле Глеб, конечно, хотел – хотел не просто заняться сексом, а влюбиться. С начала года были только курсы и уроки, репетиторы и спорт, редкие встречи с друзьями. А где-то между возникало напряжение сродни электрическому. Оно проявлялось мыслями о третьем колесе, частыми воспоминаниями о Вике и лыжнице. После неловкого «зеркала» со светлоглазой Верой Глеб злился на все подряд. Подмывало вырвать у вахтера кирпичеобразный пульт и растоптать его. Нельзя. Зато можно познакомиться с первой попавшейся, доказать себе, что ты – не глухой отшельник, а все тот же симпатичный гребец, ахахах. И за секунду до того, как спросить у Ани: «Ты после репетиции?» – Глеб решил с ней замутить. Он даже приврал на ходу, что якобы поступает на дизайнера. Поэтому глупо делать вид, что их встреча была случайной бурей чувств, взрывом или шаровой молнией – о чем там еще поют в песнях или пишут в стихах? Глеб выучился продумывать заранее расписание на неделю, лыжный маршрут или лабораторную работу. И здесь он так же сочинял план: снова пересечься с Аней вживую. Его подталкивала никакая не волшебная вспышка, а напряжение надоевшей рутины – можно сказать, да, электричество, но молния запертая. Застрявшая, прям как у Аниного бомбера.

Бомбер Аня, кстати, реально выкинула, тем же вечером.

Пространство идей

Мама Глеба привилась от коронавируса в конце марта. Когда прошло две недели после второго компонента вакцины, она записалась на анализы. Выяснить, появились ли антитела. Заодно она предложила сдать тест Глебу.

– У меня в это время школа, – бурчал тот в ответ, разглядывая темно-синюю рубашку, которую мама сунула ему в руки. Уже больше часа они бродили вдвоем по торговому центру, покупали одежду на весну-лето. Воротничок рубашки напоминал на ощупь фанеру, а пуговицы выглядели чьи-то маленькими слепыми глазками.

– Тогда зайди и сдай без меня, после школы. К психологу моему ты все равно не хочешь, хоть за физическим здоровьем следи. Вдруг у тебя есть джишка и можно не париться?

Глеб и так не парился. Носил маску только при сильной давке в электробусе или в метро, но маме об этом, естественно, не говорил.

– После школы репетитор по немецкому.

– Давай отменим его разок. Но только разок. Я позвоню Олегу Палычу.

Немецкий последнее время изматывал, и Глеб тут же согласился. Чтобы закончить шопинг, он сделал вид, что рубашка ему нравится. С отцом вещи покупались гораздо быстрее, но тот магазины не очень жаловал. Разве что пу-

ховик зимний подарил, а так предпочитал смотреть с Глебом фильмы, кататься на лыжах или хавать в ресторанах. Рестораны, впрочем, любила и мама. После торгового центра они как раз собирались в тратторию, где готовили годную карбонару. Правда, мама еще искала себе духи, не торопилась, и Глеб терпеливо следовал за ней, кудрявой, не по годам стройной дамой, возраст которой выдавали синяки под глазами и немного нервный, блуждающий взгляд. Товарно-денежный рай вокруг блестел и шумел, шумел монотонно и потому безболезненно, роем освобожденных граждан. Статистика заболеваемости была самой низкой с начала эпидемии коронавируса. Даже опасливые интеллигенты расслаблялись, аккуратно стаскивая маску с носа и протирая ею запотевшие очки. Казалось, история с пандемией на финише. Где-то в Европе пока объявляли локдауны, а в России уже всех звали на прививку. И необязательно в поликлинике. Можно тут, в закутке на последнем этаже, записаться по паспорту и кольнуться, если ты совершеннолетний.

Когда рядом проходили молодые компании, Глеб отворачивался, притворяясь, что изучает наряженные пакетами гроздья людей на эскалаторах. Не то чтобы ему было стыдно гулять с мамой. Он боялся случайно, без подготовки, столкнуться с Аней, пусть и понимал, насколько это глупо. Дурацкий страх, дистанционное стеснение. «Она старше почти на два года», – искал оправдание Глеб. После их знакомства в гардеробе минуло девять дней, за это время он пересекся

с Аней пока всего один раз, но беспрерывно думал и чуть ли не репетировал, что скажет ей по тому или иному поводу, если они увидятся снова.

Сначала Глеб изучал Анины странички в соцсетях, подписки. «Она, похоже, из умников-позеров», – заключил он, посетив пару пабликов с несмешными мемами про современное искусство и философию. Аня публиковала два вида фоток. Ее собственные были черно-белыми: вот она в музее стоит перед какими-то кляксами, вот загорает на море с родителями. Фотки одежды были в цвете. По большей части рваные шмотки, несимметричные или с металлическими заклепками. Кое-что подписывалось, например: «Моя новая работа, тут пытаюсь подражать Марку Джейкобсу». Парня у Ани то ли не было, то ли он попросту не афишировался. «Уже нормальные шансы, раз парня на фотках нет», – радовался Глеб, пока гуглил, кто такой Майк Джейкобс.

В итоге Глеб написал Ане, что послушал бы советы о поступлении вживую. Якобы по сети он общаться не любит. «За рассказ с меня кофе», – добавил, припечатав побольше смайлов.

Аня кофе не захотела, предложила погулять по старому району около своего универа и почему-то сочла, что Глеб в одиннадцатом классе. При встрече напрямую докопалась: «А не поздно тебе выбирать, куда поступать? Пора бы определиться». Она торопливо вещала про презентации, мотивационные письма, DIY-проекты. Глеб ничего не мог запом-

нить. Осмелев, сделал заготовленный комплимент: «Не думала на радио работать пойти? У тебя очень музыкальная речь». Аня произнесла сдержанное: «Спасибо, нет, никогда не думала». Глеб шагал рядом с ней в горку по узкому солнечному переулку и слушал, чувствуя себя под прицелом коричневой родинки. Дома вокруг тоже были коричневые, старые. На Глеба они давили не ветхостью даже, а нарочитой умудренностью покатых крыш и облупленной лепнины. Аня чуть ли не читала лекцию. «Угу, она хочет возрождать моду на гранж, – пытался Глеб уловить суть ее монолога. – Стоп, гранж... вроде это группа “Нирвана”? При чем тут одежда?»

Вскоре Глебу стало казаться, что у него с Аней нет ничего общего и затея в целом вышла тупая. Он в конце концов не выдержал – признался, что не будет поступать на дизайнера, а попробует в МГИМО, как родители советуют.

Аня, которая, по идее, могла обозлиться за впустую потраченный час, рассмеялась:

– Слава богам, идет кто-то в дипломаты! А то вокруг либо программисты, либо филологи с мечтой стать рэперами. Ну или как я, по моде. Какой у тебя, кстати, язык?

– Вообще их два. Английский и немецкий.

– Прекрасно! У меня папа тоже по-немецки шарит. У него много друзей из Германии. И коллег. А я знаю только *bitte*² и *schneller*³.

² Пожалуйста (*нем.*).

³ Быстрее (*нем.*).

– Это самые главные слова, – усмехнулся Глеб и выдал первую ненадуманную фразу: – Почему ты говоришь все время «слава богам»?

Аня уставилась в искусанный тротуар возле очередного особняка.

– Да ну, я не родноверка, нет, конечно. Но политеистка, – сказала она вполголоса.

– Что?

– Считай, язычница. – Она встряхнула волосами, так что ее каре превратилось в подобие темного гнезда, и добавила: – «Язычник» – уничижительное слово, поэтому я говорю «политеизм».

– погоди, ты веришь, там... в Перуна?

– Не совсем. У меня мама еврейка, а отец православный. А я как бы между двумя религиями. Поклоняюсь и тем, и тем. И еще Афине Палладе. Я все уговариваю родителей слетать в Афины в отпуск, а они ломаются. Хочу в Парфенон, чтобы принести Афине жертву.

Глеб гадал, шутит Аня над ним или нет.

– Угу, я знаю, кто такая Афина, – протянул он. – Помню, читал мифы Древней Греции, во время Троянской войны...

– Она помогала ахейцам, да! Здесь я, кстати, с ней не согласна. Ахейцы устроили позорище, а не войну. И Ахиллес – мудака. Зато потом она спасла Одиссея, единственного нормального из ахейской ОПГ.

– Вообще... – недоумение Глеба пробивалось длинными

паузами, – про иудаизм и христианство понимаю, только там же, наверное, заповеди...

– Я не соблюдаю все обряды. Иногда отдельные вещи – например, не ем свинину. Библию читаю, а крестик не ношу. Иисус для меня типа бог любви. Так что не, я не двинутая, просто у меня такая культура. Вот.

– Стоп-стоп. – Глеб не мог дальше сдерживаться. – Ты реально считаешь, что Афина существует? С копьем и в шлеме, живет на горе?

Аня взглянула с хитрецей, исподлобья.

– Я не считаю, а верю. Чувствую ее. И что значит «существует»? И она, и Христос, и Элохим есть в пространстве идей. А значит, в каком-то смысле они подлинней, чем вот этот шлагбаум. – Аня ткнула указательным пальцем в перекладину, загородившую проход во двор, где среди роскошных коричневых зданий одиноко торчал покосившийся гриб песочницы. Анин палец был длинный, с острым бежевым ногтем, похожий на стрелу.

Глебу захотелось дотронуться до пальца, но он лишь остановился рядом. Спросил:

– Что за пространство идей?

– Долгая история. Если вкратце, этот шлагбаум – воплощение идеи шлагбаумов, один из миллионов шлагбаумов, сделанных по шаблону. Так же существует Афина как идея. Ее воплощение – и храм в Парфеноне, и когда ты, допустим, ругаешься с челом в школе, но не ловишь его толпищей, а

зовешь раз на раз драться по боксерским правилам. Или ты что-то изучаешь по своей дипломатии и тебя грузит вроде, а приятно. Для меня это все Афина.

– Так, погоди, у тебя идея и бог – одно и то же?

– Ближко, но нет. Боги – целый набор идей, их не всегда объяснить словами.

– А зачем тогда жертвы?

– Чтобы Афина мне помогла. Ваш кэп. Я не буду резать баранов, если что. Найду на рынке украшение, которое мне действительно понравится, оставлю там... Погоди, время полтретьего, мне уже на пару...

Они развернулись назад. Хотя услышанное казалось Глебу изрядной мутью, его тянуло побыть с Аней еще немного, будто от нее исходила невидимая теплая волна. Уже около грязно-белого исполинского здания универа Глеб вспомнил, что забыл самое главное – пригласить Аню в музей.

– Я тут собирался на выставку Дюрера на следующей неделе. Пойдем вместе? – выпалил он, когда они прощались.

Аня покачала головой, и было непонятно, размышляет она над его предложением или соображает, как протиснуться сквозь толпу студентов, спешащую с перекура на пары.

– Можно, наверное, – ответила после паузы. – Только на следующей неделе плотный график. А там надо понять, когда я могу.

– Ты напиши, как определишься.

– Хорошо.

Спустя неделю Аня молчала, и Глеб понимал, что она могла забыть про свое обещание.

«Да и какое обещание? Наверняка сказала, что напишет, лишь бы отвязался», – объяснял себе Глеб, но никак не мог перестать думать о новой встрече. Слишком классной Аня выглядела, слишком непривычные говорила вещи. Напомнить? Как навязчивый поклонник?

С мамой в тратторию так и не добрались, после долгого шопинга заказали пищу на дом. Пора уже было ложиться. Глеб медлил. Он стоял перед зеркалом в ванной, побрив до красных царапин и прежде почти гладкий подбородок. Затем полчаса успокаивал кожу холодной водой. Вечер перетекал в ночь с тем солоноватым привкусом убитого дня, когда кажется, что время неотвратимо уплывает, а ты просто палишься на его течение. Сам не участвуешь ни в чем, ни на что не влияешь. Делаеть то, что должен. И точка. «Всю жизнь буду закрывать уши», – думал Глеб, выключая свет в комнате. Черный скат икеевского письменного стола, розоватые коралловые рифы шкафа, шершавые стены, как в гроте, – помещение представлялось унылым схроном обитателя морского дна. И, кутаясь в широкое одеяло, как в панцирь, Глеб решил, что терять нечего. Он открыл инсту⁴ на смартфоне, нашел Анин профиль, посмотрел – свежих постов ноль. И написал ей: «Ну как, пойдём на выставку? Я планирую заглянуть на неделе».

⁴ Социальная сеть, признанная в России экстремистской.

Гранж

Знакомство с Глебом в гардеробе Аня почти не запомнила. Она спешила – ждали школьные подруги. Весенний сбор, традиция. Встретиться в супермаркете, купить вина, сыра и мармеладных зверушек. Зависнуть на квартире, гадать потом, когда посадила красное пятно на юбку. Когда Женя канючила и все лежали на полу? Или когда курили в подъезде? Там еще сосед орал на жену за дверью, слышно было, как тарелка вдребезги бьется о ламинат.

Но прежде задержали дела. Режиссер-кретин потребовал остаться посмотреть, как щавелевые мундиры сидят на актерах во время генеральной репы. Подруги уже затарились и, скорее всего, забили на ее любимый салат из водорослей. Хотя Аня напоминала им про салат, но она опоздала и будет сама виновата. Заставят пить штрафную, нальют «Апсны» доверху в пластиковый стаканчик. Ух.

Свалила от режиссера наконец, а бомбер не застегивался. Видно, идея дресс-кода а-ля старье из девятого класса была напрасная. Аня пыталась разорвать нерадивую куртку в ключья. Какой-то пацан помочь хотел, не тут-то было. Уж если Аня не справилась, то ни один криворукий пацан не спасет. К черту застегивать, ладно. Пробежка до метро, на метро к Альке на район. Аня жалела, что у себя на хате не решила вписки, она теперь тоже ведь самостоятельная. Жи-

вет в Ясенево. Так бы точно все ждали и помнили про салат. Спрашивали бы: «А какое вино ты хочешь, дорогуша?» Но мама с папой внушили: чти память покойного дедушки, соседи гнусные и ранимые. Никаких гулянок.

У Альки не ложились до пяти утра, а в три часа ночи Аня поняла, что имеется великий смысл блевать. Пошла в туалет прямо из подъезда, где курили, не разуваясь. В туалете колени морозила плитка и улыбался младенец с упаковки от туалетной бумаги. Аня блевала салатом из водорослей, который, оказалось, купили. И роллы, какие она любит, – с угрем. Подруги знали, что у Ани мутки, заботились. То этот Антон зовет на свидание, то непонятно чего. Типичный пофигист. Но что толку, проговорили правду-матку, а никого интереснее все равно нет. Антон – фигура икс, рисует граффити, заканчивает учебу. Он подошел к Ане на сессии. «Нужна помощь?» Аня не устояла, попросила подсказок, хотя предмет вызубрила до второпях не почищенных зубов. У Антона соломенные кудри на очень широких плечах. И пахнет краской. Или это слухи бегут вперед запаха? Кстати, насчет запаха – где тут освежитель? Запачканный бомбер сунула в мусорку.

Утром в Ясенево домой от Измайлова пилить где-то семьдесят минут вечности. Душно в подземке, мелкая пыль от мраморных колонн забивается в горло. Горло дрожит в такт качке вагона и просит влаги. Айфон вибрирует. Может, вернулось оно? Приглашение от Антона в кино, которое отме-

нилось за день до? Оправдание тогда было стремнейшее из возможных – болеет собака. «Ага. Ты просто нашел себе дурру с сиськами, потому что в курсе, что ей, дурой с сиськами, будет управлять легко, а мной нет. Мне ты не разобьешь тарелку о ламинат, как тот неизвестный сосед». Соседскую ругань Аня слышала прекрасно, когда у Альки курили в пролете падика и град шел такой, что из-за стекольной дрожи кадка с цветами рухнула с подоконника. Земля из кадки высыпалась по бетону, а Женька сказала: «Земля – это черный снег. Просто мы не замечаем, как она тает». Получается, метро – тоннели под снегом. Вагон загромыхал возле «Курской». Вытирая пот со лба, Аня открыла уведомление: в вотсапе мама напомнила про показания счетчиков. «Точно, надо снять. На Госуслугах ЖКХ найти и дальше... так, подожди...»

Сегодня воскресенье. Значит, потом. Сегодня пора думать о другом, о большом. О фланелевых рубашках, о майках с принтами. На конкурс нужно новое слово и новый протест – воротник на воротник. Два воротника, рубашка поверх поло – крик и кринж. Такой контркультуры не видали в подвалах Бронкса, но надо сделать ее красивой. Секонды надоели хуже Баленсиаги, однако рубашка, специально рваная на локте, вышла из обихода чересчур давно. Что ж, Аня воскресла от иван-чая, и за дело. Вот а что, если у рубашки отрезанный воротник с нарочитой каймой, нет пуговиц, а вместо пуговиц и петель – крючки, как рыбки и с удочками рыбаки?

Аня до ночи сидела за компом, изматывала себя и трахала фотошоп, рисовала, как сочетать несочетаемое, потом встала, огляделась. В углу сервант с рюмками. Рядом ворсистый диван, кусала ныне мертвая собака, выделявая дивану по краям две хищные разинутые пасти. Аня подошла к серванту и обратилась к себе, ища отражение в рядах рюмок: «Милая, забей на Антона-гондона, твори, не отвлекайся. Хорошо бывало, значит, будет и прекрасно». Всю ночь она нарочно слушала старые альбомы. Размышляла, что все-таки Nirvana – второй сорт, для нормисов, а настоящий гранж придумали Pearl Jam, записав «Десятку». «У них раскатистый вокал, грязь поэнергичней», – так Аня решила. (Я с ней не согласен. Для меня, наверное, вершина гранжа – ранний Tool, опийный и потный.)

Утром понедельника был в разгаре апрель, вернее, был он в разливе талых ручьев вдоль бордюров. Апрель провоцировал Аню прогулять пары и читать Библию. Если вдруг забыли, Христос для Ани – бог любви. А стирать вещи в пожилой машинке – игра в рулетку. Заклинит ли снова дверцу до боев с отверткой? Какие тут Антоны, когда считаешь, сколько чистых трусов, а месячные скоро и надо чекнуть, остались ли дорогушие, но крутые прокладки на четыре капли. Ане хотелось экономить, а не просить у мамы денег. Пусть и понятно, что пока рановато студентке всю работу.

Пацан из гардероба театрального просил узнать про поступление, встретиться. Без проблем. Всю неделю и так ле-

нилась, как Емеля, по щучьему велению закончился глупый проект, спасибо команде, безделье Анино не спалила. Великовозрастная рисовальщица на семинаре ковыряла герпесную губу и учила, как стать конвейером. Аня была против, она стремится идти другим путем, нести бревно художника, а не иллюстратора. Ладно. Пацан много спрашивал про язычество, едва ли не интервью брал. Глеб зовут, симпатичный, как козленок. Зеленый, правда. Пригласил на Дюрера, но на Дюрере Аня уже скучала с мамой и не успела Глебу это объяснить, потому что торопилась на пару, на презентацию глупого проекта. Аня думала потом Глебу отписать, но за день вымоталась и прикинула, что, если Глеб реально хочет именно с ней идти, сам напомним. Тем более Антон позвонил, договорились погулять в среду. Тут уж не до Глеба – борьба с пофигизмом.

Снова вечер, снова Аня склонилась над ноутом. После пар купила фланелевой ткани и сожгла на балконе кусок для Афины. Чтобы та помогла увидеть путь. Аня протупила час, высматривала путь, пока глаза не высохли. Спасла этимология: гранж равняется чему-то неприятному, грязному, вызывающему пренебрежение. Что сегодня подобный протест? Тут повеяло старым бомбером, сломанной молнией. «Без замчища! – хлопнула в ладоши Аня, чуть не опрокинув чашку чая. – Маски кругом, закрывающее. А я, наоборот, сделаю то, что нельзя закрыть».

Мама отвлекла звонком. Аня, как дела? Аня, как еда?

Аня, ты одна? После разговора Аня обновляла чай на кухне, шумела вытяжка, чайник на газу бухтел, грозный, как металлическая подводная лодка. Дежурные вопросы хранили мамин страх, ежу по имени Аня это будет понятно, сколько ему ни цепляй на иголки листочков из «как дела?». Аню как будто и отселили, чтобы она замечала поменьше страха. Папа говорит: уехать. Мама спорит: бороться. Оба шутят: настоящий русский камикадзе – успешный русский предприниматель без опричной крыши. Банзай.

Аня и раньше замечала: у мамы любовь к родине, и она злится, когда читает комментарии про жидов. Как-то мама сказала: «Невесту Ивана изнасилуют печенег из Мытищ, а Иван все равно будет винить пархатых». Папа в ответ негодовал: «Печенег тоже разные бывают, ты просто меняешь один шовинизм на другой». Мама: «Просто я хочу, чтобы от моего народа отстали, в конце концов. Я в школе делилась последней столовской пиццей и слушала про жадных евреев». Папа тогда промолчал, просто обнял маму. А теперь Аня думала: у ее мамы любовь к России, но она бы не хотела играть роль настоящего русского камикадзе.

Однажды, еще в девятом классе, Аня вернулась домой после школы, а там неизвестные дядьки в опрятных классических пиджаках разбирали ее компьютер. Папа уехал в центр города вместе с адвокатом и следователем. На кожаном диване, уткнувшись кулаком в щеку, сидела мама. «Кто это?» – «У нас обыск». Кончилось легко: продали машину, белый

«фольксваген». Позднее Аня поймала за собой тогдашней кое-что странное: больше всего она переживала насчет компьютера. Что прочтут матерные переписки с подругами и увидят историю браузера, где яой. То ли она пряталась от угрозы реально свирепой, то ли не успела сообразить, что к чему, то ли и правда – в тихом омуте притаилась эгоистичная натура-дура. Родители не объясняли Ане, в чем причина обыска. Лишь общие слова про повод, про ложное обвинение в махинациях с налогами, чтобы устроить захват их бизнеса.

Апрель требует читать Библию, но все без толку. Иисус, видимо, ревнивый, недоволен, что Аня много поклоняется остальным богам. Аня открывает Библию наугад. «Иди и полюби женщину», – бросается в глаза строчка. Аня горько смеется.

Выходные выдались молниеносные – в субботу Аня наносила молнии на фланелевую рубашку. Везде, где обычно пуговицы. Ткань была блеклая и мягкая, как перья постаревшей жар-птицы. До ночи Аня просидела за швейным станком. Древняя машинка пахла подсолнухом, прабабушкина, а строчила ровно, гладко, без пяти минуточек 3D-принтер. Рубашку Аня обшила черными полосками-швами, под мишень. Сделала описание проекта: «Смотрите, я – мишень. Я просто живу, а в меня целятся с двух сторон, с одной – небесный суд вируса, с другой – земной суд прокураторов. Новый гранж – это мишень, которая смирилась и безумно

открыта, на ней молнии, которые не застегиваются, висят». Потом Аня перечитала описание проекта и стерла.

Воскресенье – задания по учебе. Куча всякой теории. Не дизайн – сплошной дазайн. Освоив текст по философии, Аня смотрела на ютубе стендапы, когда Антон написал, что не может в среду. Заболел коронавирусом.

«Надеюсь, не врет и сдохнет».

Чтобы успокоиться, Аня курила в вытяжку, дым стелился пеной под потолком вокруг зеленого колчаноподобного абажура. Главное – не подсесть на никотин. Женька говорила, для этого важно не курить айкосы каждый день и не курить всегда в одно и то же время. На часах полночь. Аня задумалась: нет, она никогда не курила в полночь. Забыла позвонить маме. «Завтра обязательно». Аня зашла в интернет посмотреть мамин соцсеточный профиль: нет ли чего резкого про политику? Она ведь может. В профиле ждало свежее сообщение от Глеба: «Ну как, пойдем на выставку? Я планирую заглянуть на неделе». Аня вспомнила, что Глеб очень симпатичный, но не очень харизматичный. «Смотрите, я – мишень. Я просто живу, а в меня целятся со всех сторон», – пронеслось в голове. Ответила: «Привет! Я на Дюрере была с мамой, забыла сказать, сорян. Можем просто пересечься на неделе, если хочешь».

Положительные вопросы

Глеб, конечно, хотел, но старался звать будто бы невзначай: «А давай на “Флакон” в субботу? Играют гаражные группы, я планировал заглянуть. Заодно можем пока поесть,

там он, мне кажется, лучший в городе ». Аня согласилась, поспорив, что самый крутой пока делают на Цветном, и весь урок истории Глеб переписывался с ней об оттенках стрит-фуда.

Повторяли эпоху Ивана Грозного. Учительница забыла флешку с презентацией и по старинке корябала мелом на доске. Вычерчиваясь, слова «опричнина» и «земщина» жгли уши. Глеб чесал мочки, как нарик, но радовался, что Аня отвлекает, можно сказать, от пытки шестнадцатого века. Он сидел за последней партой. Раньше последняя парта была его частым пристанищем из-за высокого роста, а теперь стала им вдобавок из-за гиперакузии. Глеб сидел один, потому что после осенней дистанционки соседа Мишаню – тощую конопатую жердь с математическими способностями – родители-врачи перевели на домашнее обучение. «Пока школа опасная, а мы бываем в красной зоне», – говорили они. Глеб не сильно скучал без Мишани. Тот иногда прямо на уроках смотрел порно без звука, чем люто раздражал. Но не жаловаться же на соседа, который дает скатывать алгебру?

Мишаня утверждал, якобы он так лучше концентрируется. И все равно Глеб не понимал, зачем смотреть секс-ролики с маленького экрана, на нулевой громкости, да еще и без варианта подрочить.

Сейчас Мишанин странный допинг, может, и возбудил бы. После первой встречи с Аней Глеб запретил себе мастурбацию. Причем не из романтических побуждений. По-запрошлой зимой тренер-лыжник, мужичок не по-спортивному топовой корпулентности, заявил Глебовой команде перед соревнованиями: «Ребята, за неделю до забега – никакого онанизма! Да, возраст, но потерпите малек. А то запорете мотивацию, дофамин поберегите». Пацаны ржали потом в раздевалке, дескать, у тренера жена потому и печальная ходит, что он бережет мотивацию. Глеба же наставления странным образом убедили, и он с тех пор иногда включал режим аскета – перед важными экзаменами, тренировками или свиданиями. Поэтому на девятый день возбуждало все подряд, даже Анины безобидные сообщения из разряда: «Мне тоже нравится суп фо бо, но только пока он горячий». Все шесть уроков Глеб просидел с телом-пилой, как если бы под кожей повсеместно выросли зубы и требовали что-то кусать. Глеб тупил на простейших уравнениях с дискриминантом. Известные путались с другими неизвестными, переменные намекали на скорую перемену, где встанешь-походишь. Главное ожидание: вечером с Володей в пинг-понг сыграть, пар выпустить. Да и сдать анализы после школы – хоть какое-то

приключение.

Отечественная история продолжала преследовать в лаборатории: медсестра удивительно напоминала боярыню Морозову с картины Репина – острый нос, отрешенный взгляд. Место укола она забинтовала по-боярски крепко, бинт наложила на ватку в два слоя. Правая рука еле двигалась, и Глеб остался пересидеть положенные двадцать минут на креслах возле стойки ресепшена. Парень-администратор, прихлебывая чай, смотрел телик. К экрану Глеб не повернулся, но по репликам уяснил, что показывают какую-то многосерийную мелодраму.

– Цветы подарил? – спрашивала одна девушка у другой.

– Гиацинты. Ароматные! Как чурчхела! Поставила в бабушкин хрусталь. Теперь он зовет в театр на второе свидание.

– Пойдешь?

– Может быть... но он по разряду друзей. Ничего не сделал! Даже за руку не держал, а на улице лед, между прочим, и скользко... я таких робких отметаю.

Глеб попрощался с администратором и вышел наружу. Мусорный контейнер напротив лаборатории точно махал ему, приветствуя, – стылый ветер трепал из стороны в сторону фанерно-целлофановый хлам. Сериальная девушка съела все недолгое спокойствие. Напомнила о вопросах, которые Глеб откладывал как пошлые, но волнующие. Раньше начиналось легко, сразу с поцелуев. И с Викой, и с лыжницей.

Они явно демонстрировали, чего хотят. Аня была другой. Не давала знаков.

Сыграть в настольный теннис Глеб и Володя договорились в спортзале Володиной школы на «Марьиной Роще». Володе дали ключи. Глеб немного завидовал такому доверию, учитывая, что его друг, как стандартный спортсмен, прыгал с троек на четверки, исправляя оценки в последние дни нытьем и упрямством. То ли вопреки, то ли благодаря этому, а может, и по причине богатого папы, но Володю все особенно уважали. Даже охранник пожал им руки, улыбаясь похмельными, собачьими глазами:

– Парни, ракетки под турниками валяются, если что.

– Благодарю! – по-свойски отчеканил Володя.

Вылизанная лестница, пластиковые окна и диодные лампы – блатной дружок из блатной школы должен был огрести сразу крученые подачи. Еще и Аня ответила скобками на последнее сообщение. «Кто вообще ставит скобки! Есть же нормальные смайлы, она что, с кнопочного печатает?» – кочегарился Глеб перед поединком.

Спортзал тоже оказался мажористый и просторный. Маты были сложены карточной колодой возле окна. Элегантный черный велотренажер рядом с допотопным козлом – преемственность поколений. Ракетки действительно лежали под турником, дескать, если хочешь развлечься пинг-понгом, то подтянись. Глеб подтянулся трижды, разминки и устрашения ради.

– Смотри мышцы не забей, а то ракетку не удержишь. И свалишь всяких баб клеить в гардеробе, – съязвил Володя, которому было подробно рассказано о приключениях с Аней. Последнее время Володя был какой-то непривычно едкий, нервный. Глеб списывал это на слишком большую загруженность театром.

Глеб встал у стола, перебрасывая ракетку из ладони в ладонь. Начал с простой подачи на правый угол. Темп трусцы, прямой удар. Володя спокойно отбился, и Глеб крутанул в левый угол, через сетку, так что мячик задержался на ней, но перевалился и запрыгал вдоль границы, на Володиной половине.

– Сопли вешаешь...

– А чего бы нет? Сейчас на следующую мою.

Во время второй подачи удары мяча о стол стали сворачиваться колючей проволокой в ушах. Глеб силился не обращать внимания на предательское цоканье, но оно упрямо проникало в затылок. Так и продолжалось: играя проворнее и хитрее Володи, Глеб не выдерживал долгих перебрасываний. Либо он сразу прицельно глушил, либо в итоге мазал. Под конец первой партии шли впритык, по десять очков у каждого. Глеб чувствовал, что Володя скорее возьмет у него два розыгрыша подряд, чем наоборот, и уже смирялся с поражением, когда в двери спортзала постучали.

– Так. – Володя прервал подготовку к своей подаче. – Пойти надо спросить кто, а то вдруг директор проверяет, не бу-

хаем ли.

Глеб согласно закивал. Голова гудела. Разгоряченная ракетка плашмя рухнула на стол. Володя тем временем застыл у приоткрытой двери в коридор, шепотом кому-то что-то втолковывая.

– Кто там? – спросил Глеб, откашлявшись.

Вместо ответа дверь распахнулась настежь. На пороге стояла Надя. Она опиралась о косяк, будто была готова вот-вот упасть. Длинный хлопковый шарф свисал с расстегнутой беговой куртки и доставал до пола.

– Ты чего встала-то, проходи! Может, чай? Есть кулер в этой мажорной школе? – пустился Глеб в гостеприимство, лишь бы не возвращаться к игре. Володя молча провел Надю под руку к окну, чтобы усадить на маты. То, что Надя зареванная, пусть и тщательно вытерла слезы, было件нятно сразу – по ее скованным движениям и красноватым глазам.

– Мне бы просто воды, – выдавила она по пути в сторону Глеба.

– Кулер внизу, под лестницей, – уточнил Володя, желая, видимо, остаться с Надей наедине.

Глеб послушно выбежал в коридор, а затем спустился на один пролет к площадке, где стоял во мраке кулер, отчего-то булькающий. Электронные часы над кулером показывали красными точками ровно семь вечера и почему-то внушали страх. Набрав опустевшую литровую бутылку и отдельный стаканчик для Нади, Глеб ринулся назад и едва не про-

лил на темной лестнице воду.

– Я не в истерике. Я просто охренела немножко. Ой, ладно... – объясняла через виноватые паузы Надя, когда Глеб вернулся. Она раскинулась на матах, утомленно прислонившись к стене, и ее глаза притворялись стеклом. Володя восседал на козле, как судья, вид у него был совсем не утешительный.

– Родители? – спросил Глеб, протягивая стакан.

– Просто, блин! – Надя принялась жадно пить и тереть свободной рукой глаза. – Они сказали, если я не пойду на кодерку, выселят меня к бабушке. Железно. Работать либо жить на ее пенсию. А там собаки и воняет.

– С компами ты вообще не хочешь? – уточнил Глеб.

– Программисткой – точно нет! – крикнула Надя. Она согнула колени, собираясь в комок. – Я не знаю. Наверное, хочу на лодке кататься. Катать людей. И получать от них бабки. Или на катере. Хочу в мореходство, короче, капитанкой.

– И еще скандалить, – добавил Володя.

– Да, – сказала Надя. – А образование... пошло оно.

– Ты же отличница, – заметил Глеб.

– И что? И физику знаю, и литературу. Только очень скучно. Неживое либо старье какое-то.

Надино веснушчатое лицо покраснело еще сильнее, съезжилось, и, чтобы не дать ей опять заплакать, Глеб решил сменить тему.

– Бывает. Я вот не понимаю, как понравиться новой знакомой. У нас то ли свидание, то ли дружеская встреча.

– В смысле? – встрепенулся Володя.

– В смысле она себя ведет мутно, вроде без намеков, но согласилась погулять. А я не пойму, мне флиртовать пока или сразу действовать, а то вообще перегорит.

– Понаблюдай за ней, – произнесла Надя, которая резко успокоилась и сосредоточенно затеребила шарф. – Если она совсем застенчивая, так и скажи, что она тебе нравится. Но, блин, без пафосных признаний. Просто. Посмотришь на реакцию.

– То есть лучше прям словами говорить?

– Конечно! – Надя допила воду. – Ты же не в курсе, может, она не готова к прикосновениям. Тем более на втором свидании. Мой совет: говори, а не лезь лизаться. Но круто, что ты такими вопросами задаешься, между прочим. Ты чуткий чувак.

– Меня тупо волнует, как будет больше шансов, – сказал Глеб, но до конца понимая, честен он или рисуется.

– Ну что за пикап-тренинг! – Володя слез с козла. – Все по ситуации ясно будет. И надо валить отсюда. Скоро уже восемь, пора проветриться.

Глеб и Володя проводили Надю до дома, в основном разглагольствуя по пути о том, что Наде есть смысл сдавать географию и пробоваться на туризм. Лодка, вода, путешествия, эмоции – крутая тема. Надя ворчала: «Какой туризм! Гра-

ницы закрыты». Володя успокаивал: «Наверняка откроют к осени, сейчас болеют мало и вакцины колют». Глеб все больше молчал, смакуя в уме Надин совет. Он вспомнил, что отец, наоборот, издавна рекомендовал не трепаться о чувствах. «В момент признания, – говорил он, – ты должен показать, Глеб, а не рассказать, чего тебе нужно. Если разводить болтологию, дама неосознанно решит, что ты болтать с ней и намерен. А ты ведь хочешь не только этого, правда? Так что ловишь момент и берешь за руку. Если нет протеста, то медленно целуешь». Звучало по-своему логично, но как-то странно. Или просто стремно.

Когда Надя одарила прощальной улыбкой и скрылась в подъезде дряхлой пятиэтажки, Володя и Глеб мрачно переглянулись.

– К метро?

– Пошли. А ты правда загнался из-за свидания? – спросил Володя. – По ходу пьесы поймешь наверняка.

– Опять у тебя везде пьесы...

Надя жила в неказистом квартале. Фонари превращали темную улицу в подобие галереи, высвечивали желтоватыми островками то кусок неровного тротуара с лужей, посреди которой тонула газета, то брошенный кем-то дырявый ботинок у полуголого дерева. За поворотом маячил длинный торговый центр с пестрыми окнами, круглосуточными ресторанами и банкоматами, но до него, казалось, топтать целую цивилизацию.

– Запал я на эту Анну вообще. Вот и волнуюсь.

– Так оно и великолепно. Мне кажется, ты просто планируешь до кучи. Живешь в будущем постоянно.

– А мне и настоящее не очень. – Глеб вспомнил, как мешало цоканье мячика играть в теннис.

– Планы по дрисне мешают в том числе будущему.

– Чего? – не понял Глеб.

– Ты тушуешься от всякой мелочи: ой, а целовать ли мне ее на свиданке? Надо соображать, чего хочешь от жизни. А то станешь, как Надя, потерянным парусником. Я вот не понимаю, что с Надей делать. Она второй раз за неделю в слезах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.